

ЛЮБОВЬ
СТРАСТЬ
ТАЙНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ

Сто тысяч ЗА НОЧЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

—❖— МегаМегафон —❖—

18+

МегаМегафон МегаМегафон

Сто тысяч за ночь

<https://litres.ru/74614777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один телефонный разговор с незнакомцем. Никаких встреч. Никаких обязательств.

Но для властного и опасного Джана её голос становится настоящим наваждением.

Скромная, невинная девушка неожиданно оказывается подругой его дочери. Только за маской невинности скрывается опасная тайна: она сотрудница ФСБ, проникшая в его дом в рамках тщательно продуманной операции.

Но что произойдёт, когда Джан узнает, кто она на самом деле?

И кто в итоге окажется опаснее — мужчина, привыкший контролировать всё, или девушка, сумевшая обмануть даже его?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

МегаМегафон

Сто тысяч за ночь

Сто тысяч за ночь

Глава 1

Первый разговор. Ночь.

Квартира на верхнем этаже. Шторы задернуты. Свет не горит. Тишина такая плотная, что слышно, как пыль оседает на мебель.

Джан сидит в кожаном кресле. Адреналин до сих пор не отпускает. Сердце стучит где-то в горле. Пальцы правой руки сжимают стакан с виски. Лёд давно растаял. Он не пьёт. Просто держит.

За дверью — двое. Молчат. Ждут.

Телефон на столике вибрирует. Один раз. Второй. Третий. Номер незнакомый. Не его сеть.

Четвёртый.

Он не хочет брать.

Пятый.

— Алло.

Голос. Женский. Молодой. Немного неуверенный в начале.

— Алло? Меня слышно?

— Да, — глухо. — Я слушаю.

Пауза. Она собирается с духом.

— Извините, что беспокою в такое время. Меня зовут... в общем, неважно. Я предлагаю услугу. Если вы хотите расслабиться, отвлечься... я могу помочь.

Он усмехается. Устало. Зло.

— Ты собираешься приехать?

Он ждёт. Сейчас она скажет «да». Сейчас попросит назвать адрес, который он не даст. Сейчас начнётся игра, которую он знает лучше, чем кто-либо. Медовая ловушка. Красивая. Сладкая. Смертельная.

— Нет, — отвечает она спокойно. — Я смогу это сделать через телефон.

Он замирает.

— Через телефон? Ты предлагаешь мне секс по телефону?

— Если хотите так это называть.

— Я не извращенец. Ты не туда попала.

Он отводит телефон от уха. Палец уже на красной кнопке.

— Дайте мне десять минут, — слышит он сквозь динамик.

Он замирает. Медленно возвращает телефон к уху.

— Пять, — говорит он.

— Хорошо. Тогда так: как мне вас звать? И если вам понравится — вы мне оплатите. Договорились?

— Джан. Договорились.

Она начинает говорить.

Голос меняется. Становится ниже. Медленнее. В нём появляется вибрация.

— Закрой глаза, — говорит она. — Ты сидишь в кресле. Ты устал. Твои плечи напряжены. Ты не расслаблялся, наверное, несколько дней.

Он молчит. Она права.

— Я подхожу к тебе. Сажусь на подлокотник. Моя рука

— на твоём плече. Я чувствую, как ты зажат.

— Допустим.

— Мои пальцы спускаются по твоей руке. Я беру твою руку в свои. Твои пальцы холодные. Ты держал стакан. Со льдом. Но лёд растаял.

Он смотрит на стакан.

— Ты там уснул, что ли? — вдруг спрашивает она. — Не отвлекайся.

Он не ожидал. Уголок губ дёргается.

— Я согреваю твои пальцы. Своими. Ты чувствуешь?

— Чувствую, — вырывается у него.

— Врёшь, — замечает она спокойно. — Но ничего. Дальше будет лучше.

Она ведёт его. Медленно. Губами по шее. Рукой по груди. Дыханием в ухо. Он закрывает глаза. Мир за окном перестаёт существовать.

— Твоя одежда мешает, — говорит она. — Сними рубашку. Я хочу почувствовать твою кожу.

Он расстёгивает пуговицы. Не спрашивая себя, зачем.

— Мои губы — у тебя на ключице. Потом ниже. Ты хочешь меня?

— Хочу.

— Скажи это.

— Хочу тебя.

— Ещё.

— Хочу.

Она ускоряется. Голос становится глубже. Тягучее. Он уже не дышит — он живёт её словами. Её руками, которых нет. Её ртом, которого он никогда не касался.

Она разгоняет темп. Доводит до грани. Он уже на пике. Воздух застревает в лёгких. Ещё секунда — и он сорвётся.

И в этот самый момент, когда мир сжимается до одной точки, она говорит ровным, спокойным, будничным голосом:

— Всё. Ваш час прошёл.

Он замирает.

Открывает глаза.

В комнате темно. Телефон прижат к уху. Рубашка расстёгнута. стакан с виски так и стоит нетронутым.

— Что? — переспрашивает он. Хрипло.

— Час прошёл, — повторяет она. Деловито. Без намёка на ту страсть, что была секунду назад. — Будете продлевать?

Он смотрит на часы. Час? Ему казалось — двадцать минут.

— Ты специально? — спрашивает он. В голосе — злость. И что-то ещё, чего он сам не может назвать.

В трубке — пауза. Она переваривает.

— А ты хотел, чтобы я довела до конца? — в её голосе появляется лёгкая усмешка. — Извините. Услуга оплачивается по факту времени. Я не благотворительность.

Он молчит. Сжимает телефон.

— Продлевай, — говорит он. — До утра.

— Пятьдесят тысяч, — называет она спокойно. — До утра

— это ещё часов шесть.

Он даже не моргает.

— Карту называй.

Она диктует. Он переводит. Не торгуясь. Даже не глядя на остаток.

— Получила, — говорит она через несколько секунд. Удивления в голосе нет, но пауза была слишком долгой для равнодушия.

— Теперь говори. До утра.

Она говорит. Не останавливается. Голос то тихий, то громкий. То близкий, то далёкий. Она ведёт его по лабиринтам, которых он не знает.

Он слушает. Не перебивает. Не требует. Просто сидит в кресле, закрыв глаза, и позволяет ей вести.

Адреналин уходит. Пальцы перестают дрожать. Сердце бьётся ровно. Впервые за эту ночь.

Под утро, когда за окном начинает сереть, она замолкает.

— Ты спишь? — спрашивает.

— Нет.

— Почему?

— Боюсь, что если усну, ты исчезнешь.

— Я исчезну в любом случае. Утро.

— Я найду тебя, — говорит он. В голосе — сталь. Та, что возвращается с рассветом.

— Не найдёшь.

— Найду.

— Спорим?

— На что?

— Месяц. Если я тебя найду — что ты дашь?

Она молчит. Потом тихо:

— Что хочешь.

— Смотри, девочка. Люди очень жадны к своим прихотям.

В её голосе — лёгкая усмешка.

— Я просто знаю, что не найдёшь.

— Хорошо. А ты что хочешь?

— Я через месяц позвоню тебе, когда не найдёшь. И скажу своё желание.

— Хорошо. Договорились.

— Договорились.

Он молчит. Усмехается в темноту.

— Ты проиграешь, — говорит она. Уверенно. И снова тепло. — Спи, Джан.

— Не вешай трубку.

— Не повешу.

Она слушает его дыхание. Ровное. Спокойное. Улыбается в темноте своей комнаты, кутаясь в плед.

А когда солнце встаёт, она тихо говорит:

— Месяц, Джан. У тебя месяц.

И отключается.

Вынимает симку. Ломает. Прячет.

А он просыпается через три часа. Смотрит на телефон. Видит длительность звонка — семь часов. Нажимает «перезвонить».

«Абонент временно недоступен».

Он сжимает телефон. Зовёт охрану.

— Пробить номер. И карту, куда бабки ушли.

Через час ему докладывают: пусто. Одноразовая симка. Левая карта. Ничего.

Он кивает. Смотрит в окно.

— Месяц, — говорит он себе под нос. — У меня есть месяц.

Глава 2

Вторая ночь. Кабинет. Неделью спустя.

Кабинет. Поздний вечер. Джан сидит за столом, перед ним — раскрытые папки, остывший кофе, телефон. Он только что вернулся с разборки. Не опасной — так, разговор по душам. Но осадок остался.

Телефон вибрирует. Номер незнакомый.

— Алло.

— Джан? — голос. Тот самый. Низкий, с хрипотцой. Он узнаёт сразу.

Он медленно откидывается в кресле. Жестом выгоняет всех из кабинета. Двое его людей выходят. Дверь закрывается. Тишина.

— Ты.

— Я соскучилась. Хочешь поговорить?

— Хочу, — голос сел. — Цена?

— Сто тысяч. За ночь.

Он переводит, даже не глядя. Уже не думает об этом.

— Получила, — говорит она через минуту.

— Я хочу тебя видеть, — говорит он. Прямо. Без предисловий.

Пауза.

— Не положено.

— Я заплачу.

— Не в деньгах дело.

— Тогда в чём?

— В правилах. У нас пари. Ты ищешь меня. Я не даю себя найти.

— Фото — это не найти. Это просто... увидеть.

Она молчит. Долго. Он слышит её дыхание.

— Надень наушники, — говорит она.

Он нащупывает проводные наушники на столе, вставляет. Тишина становится объёмной.

— Готов? — спрашивает она.

— Да.

Телефон дёргается. Сообщение. Он открывает. Фото. Ноги. Голые. На сером постельном белье. Худые, длинные, пальцы сжаты. Он смотрит. Не может оторваться.

— Это ты?

— Я.

— Ещё.

— Заплати.

— Сколько?

— Пятьдесят.

Он переводит. Не глядя.

Следующее сообщение. Он открывает. Замирает.

Тень на стене. Отражение. Свет падает сбоку — и на стене чётко, ярко виден силуэт. Грудь. Тонкая талия. Рука, прижатая к бедру. Без лица. Без имени. Только тело. Только тень.

У него перехватывает дыхание.

— Ты... — он не может подобрать слова.

— Нравится? — в её голосе — усмешка. Но он слышит: она волнуется. Дышит часто.

— Я дам сколько скажешь. Приезжай ко мне.

Пауза. А потом — смех. Громкий, настоящий, в голос. Не тот, что она использует в разговорах. Не профессиональный. Живой. Девчоночий.

Он замирает. Этот смех. Он хочет слышать его снова. Снова и снова.

— Нет, — говорит она, отсмеявшись. — Я не приеду. У нас был спор, помнишь?

— К чёрту спор. Я отменяю его. Я признаю поражение. Просто...

— Что?

— Не пропадай. Ещё на месяц. Я хочу слышать тебя. Каждую ночь.

Она молчит. Он слышит, как она дышит.

— Не могу, — говорит она наконец. — У нас уговор. Через месяц я сама свяжусь с тобой. Если ты не найдёшь меня.

— Я найду.

— Тогда зачем тебе фото?

— Чтобы не сойти с ума.

— Уже сошёл?

— Похоже.

Она снова смеётся. Коротко. Тепло.

— Джан.

— Да.

— Ты говоришь такие вещи... сорокатрёхлетний мужчина. Бандит. А ведёшь себя как мальчишка.

— Ты на меня так действуешь.

— Это плохо?

— Не знаю. Ещё не понял.

Он делает паузу. Смотрит на её фото. Ноги. Тень. Грудь. Сжимает телефон.

— Скажи, — его голос становится ниже. Твёрже. — Ты предоставляешь услуги вживую?

Тишина. Она не отвечает сразу.

— Иногда, — говорит она наконец. Спокойно. Ровно.

Он не знает, что это ложь. Что она никогда ни с кем не была. Что она — студентка первого курса, худая, в очках, незаметная, и никто бы не подумал. Что её подруга Ленка поделилась секретом, а она просто решила попробовать просто заработать. И он стал её первым клиентом. И единственным, кому она перезвонила.

Он не знает. И она не скажет.

— Я заплачу любую сумму, — говорит он. Голос хриплый, с нажимом. — Приезжай ко мне. Назови цену. Любую.

Она смеётся. Снова тем смехом — настоящим, живым, от которого у него всё внутри переворачивается.

— Джан, ты не слушаешь. У нас спор. Ты ищешь меня. Я не даю себя найти. Это игра.

— К чёрту игру.

— Не могу. Я сказала — через месяц. Если не найдёшь — я позвоню сама.

— А если найду?

— Тогда я сделаю всё, что скажешь.

Он молчит. Сжимает телефон.

— Ты будешь искать меня?

— Буду.

— Найдёшь?

— Найду.

— Тогда... удачи.

— Подожди. Не вешай трубку.

— Утро. Твой час прошёл.

— Я заплачу. За день. За неделю. Просто говори.

— Не могу. У меня учёба. И ты — клиент. У нас всё по правилам.

— К чёрту правила.

— До следующего раза, Джан, — в её голосе — улыбка.

— Ищи меня. У тебя ещё три недели.

Кладут трубку.

Он смотрит на фото. На тень. На ноги. На грудь, отражённую на стене. Сжимает телефон.

— Найду, — говорит он в пустоту. — Обязательно найду.

Адель.

Она сидит на кровати в общежитии. Плед сполз с плеч. Телефон в руке. Рядом — очки. Светлые волосы растрёпаны. Она

худая, незаметная. Никто бы не подумал.

Ленка спит на верхней койке. Не слышала ничего. Или делает вид.

Адель смотрит на фото, которые только что отправила. Ноги. Тень. Грудь. У неё колотится сердце. Она никогда никому не отправляла такие фото. Никогда.

Но ему — почему-то — захотелось.

Она не знает, почему. Может, потому что он платит. Может, потому что в его голосе — что-то настоящее. Может, потому что он сказал «найду» и она хочет, чтобы он искал.

Денег нет. Вообще. Мать опять позвонила, сказала, что заболела. Адель перевела ей половину того, что заработала в первую ночь. Остальное ушло на учёбу. На общагу. На еду.

Ленка посоветовала: «Звони тому, щедрому. Он заплатит».

Адель долго не решалась. Потом набрала номер. Потом отправила фото. Потом получила сто пятьдесят тысяч за одну ночь и несколько снимков.

Она смотрит на баланс. Хватает на месяц. Может, на два.

Она убирает телефон. Снимает симку. Ломает. Прячет в коробку из-под чая.

Ложится. Смотрит в потолок.

Он будет искать. Она знает. И от этого почему-то тепло.

Но он не найдёт. Она слишком маленькая. Слишком незаметная. Слишком никто.

Адель закрывает глаза. Улыбается.

— Ищи, Джан, — шепчет она. — У тебя три недели.

Глава 3

Чужая.

Зимний вечер. Дом на Рублёвке — не дом, а крепость.

Моя крепость.

Я сидел в кабинете, когда в дверь постучали. Три коротких. Люблю порядок.

— Войдите.

Руслан — новый водитель, сын моего старого друга. Молодой, шустрый. Суетливый.

— Дядя Джан...

— Багдан Юсупович, — поправил я. — Запомни.

Он сглотнул. Хорошо. Страх держит в тонусе.

— Багдан Юсупович, ваша дочь с подругой приехали.

— Хорошо. Катю ко мне. Когда подругу устроит.

Он вышел. Я откинулся в кресле. Катя просила взять подругу на каникулы. Говорила — талантливая, из сложной семьи, учиться на театральном. Я согласился, не думая. Для дочери — всё.

Но сначала — проверка. У Кати было много подруг. Все хотели денег, подарков, связей. Я предлагал каждой тест. Ни одна не прошла.

Посмотрим, что за птица эта Адель.

Они вошли в гостиную через десять минут. Я стоял у ка-

мина, спиной к двери. Слышал шаги: Катина — лёгкая, быстрая. Вторая — тихая, крадущаяся. Будто человек ступает по минному полю.

— Папа! — Катя чмокнула меня в щёку. — Это Адель. Моя лучшая подруга.

Я обернулся.

Она стояла у порога. Тёмный свитер на размер больше, небрежный пучок на затылке, очки в тонкой оправе. В руках — книга. Чехов. Всё в ней кричало: «Не смотри на меня. Я незаметная. Я безопасная».

Я смотрел и анализировал. Не как мужчина — как отец. Как человек, чья дочь привела в дом чужака.

Она стояла слишком прямо для той, кто хочет быть незаметной. Плечи расправлены — не от уверенности, от привычки держать удар. Взгляд из-под очков — спокойный, но я видел: она сканирует комнату. Выходы, углы, меня. Профессиональная привычка или жизненная необходимость? Скорее второе. Такие не рождаются, такими становятся.

Руки. Тонкие пальцы обхватили книгу. Не дрожат. В моём доме все дрожат в первый раз. Все. А эта — нет. Значит, либо дура, либо видела вещи и пострашнее моего кабинета.

— Адель, — она протянула руку. Голос низкий, с хрипотцой.

— Багдан Юсупович, — я пожал её ладонь. Холодная. Хватка крепкая — не ломается, не пытается угодить. — Катя много о вас рассказывала.

— Надеюсь, только хорошее.

Улыбнулась. Уголки губ поднялись ровно настолько, чтобы не сочли грубой. Вежливо. Пусто. Ничего личного. Она умеет это делать — включать режим «безопасная девочка». Вопрос: зачем?

— Пройдёмте в кабинет, — сказал я. — Поговорим.

Катя завела шарманку — папа, не пугай, мы только приехали. Я не слушал. Смотрел на Адель.

Она кивнула. Ни тени страха. Настороженность — да. Но не страх. Это важно.

В кабинете я указал ей на стул. Она села, выпрямив спину, сложив руки на коленях. Ждала. Не говорила первой. Умная. Терпеливая. Такие или очень преданы, или очень опасны.

— Я хочу знать всё о своей дочери, — сказал я без предисловий. — С кем общается, где бывает, чем занимается. Вы её лучшая подруга. Вы знаете больше меня.

Она смотрела на меня долго. Слишком долго. В её глазах что-то менялось — я видел, как она принимает решение.

— Вы предлагаете мне шпионить за вашей дочерью?

— Я предлагаю работать на меня. Это другое.

Я открыл ящик стола. Достал пачку. Положил перед ней.

Она посмотрела на деньги. Я ждал реакции. Обычно на этом этапе глаза загораются. Руки тянутся. Улыбки становятся слаще.

Ничего.

Я положил вторую.

Ничего.

Третью.

Она медленно поднялась. Стул скрипнул по паркету. Глаза за очками — холодные.

— Вы хоть и отец моей подруги, — сказала она, и голос её звенел, но не дрожал, — но вы хам.

Я молчал. Смотрел.

— Я не знаю, кто вас надоумил, что всё покупается. Может, вы привыкли, что люди готовы продать друг друга за ваши деньги. Но я — не продаюсь. Катя — моя подруга. Она доверяет мне. И я не собираюсь предавать её. Ни за какие деньги.

Она перевела дыхание. Щёки горели. Но голос не сорвался. Она держала себя в руках — железно. Это говорило о многом. О том, что она не новичок в конфликтах. О том, что её проверяли и не раз. О том, что она умеет стоять на своём, когда надо.

— Уберите свои деньги, — сказала она. — И засуньте их туда, где вам будет удобно.

В моём кабинете никто никогда не говорил мне таких слов. Никто. Я смотрел на неё и делал выводы.

Она публичная — это видно по тому, как держит удар. Не прогибается, не лебезит, не пытается сменить тему. Стойкая — не сломалась под давлением, не испугалась. Умная — понимает, что я проверяю, и всё равно идёт напролом, потому

что принципы для неё дороже денег.

Такие либо лучшие друзья, либо худшие враги. Для моей дочери она, скорее всего, первое. По крайней мере, сейчас.

— Молодец, — сказал я. — Не продалась. Не испугалась. Дерзишь красиво.

Она замерла. Не поняла.

— Это был тест, — объяснил я. — У Кати было много подруг. Все они хотели одного. Я предлагал каждой такой разговор. И каждая брала деньги.

— А если бы я взяла?

— Вышвырнул бы. И Катя бы вас больше никогда не увидела.

Она опустилась обратно на стул. Ноги, кажется, не держали. Впервые за весь разговор я увидел слабинку. Не страх — удивление. И что-то похожее на уважение.

— Вы чудовище, — выдохнула она.

— Я отец, — ответил я. — Который хочет уберечь свою дочь от тех, кто готов её продать.

Я собрал деньги, убрал в ящик. Посмотрел на неё. Она всё ещё дышала тяжело, но уже брала себя в руки. Прятала эмоции. Быстро. Профессионально.

— Катя просила взять тебя на каникулы, — сказал я ровно. — Мы улетаем через неделю. Я буду занят делами, ей будет скучно одной. Если хочешь — лети.

Она открыла рот, хотела отказаться. Я видел.

— Билеты уже заказаны, — добавил я.

В этот момент в кабинет влетела Катя. Подслушивала.

— Пап, а мы не полетим через неделю! Адель останется у нас на эту неделю! Я уже всё придумала — фильмы, прогулки, я ей свою косметику покажу...

Я посмотрел на Катю, потом на Адель. Она сидела сжавшись — явно не ожидала такого поворота. Не любит быть обязанной. Это хорошо. Такие не будут висеть на шее.

— Здесь на ваше усмотрение, — сказал я. — Сами решайте. Большие девочки уже.

Я заметил, как она бросила на меня быстрый взгляд. Недовольный. Она не хотела оставаться. Но Катя уже обнимала её, уговаривала, и отказаться было невозможно.

— Ладно, — тихо сказала Адель. — Спасибо.

Они вышли. Я слышал их голоса в коридоре. Катя щебетала, потом — тише, уже на лестнице:

— Кать, а ты случайно не приёмная дочь?

— Нет, — удивилась Катя. — С чего ты взяла? Говорят, я похожа на папу.

Пауза.

— Да нет, — голос Адель — задумчивый, острый. — Он не выглядит так, что у него есть девятнадцатилетняя дочь.

Я усмехнулся. Проницательная. Это плохо. Проницательные видят то, что не должны. Но это и хорошо — значит, рядом с Катей будет тот, кто заметит опасность раньше, чем она сама.

Следующие дни я наблюдал. Не как мужчина — как отец. Мне нужно было понять, кто эта девчонка на самом деле.

Информация пришла быстро. Мои люди работают чётко.

Мать — алкоголичка. Жива, но бесполезна. Отца нет в принципе — даже в графах. Адель растила себя сама. Учит-ся в театральном, на бюджете. Иногда подрабатывает в кофейне — когда есть время, когда силы. Пишет рефераты и дипломные работы на заказ. Живёт в общежитии. Денег в обрез.

Никаких криминальных связей. Никаких покровителей. Никаких мужчин на горизонте. Только учёба, работа и Катя.

Чистая. Своя в доску.

Это успокаивало. И одновременно — нет. Такие, как она, либо становятся великими, либо ломаются. Середины не дано.

Первый вечер. Я спустился в гостиную. Катя смотрела фильм, развалившись на диване. Адель сидела в кресле у окна, читала. «Чайка». Снова.

— Чайка — это про нас, — сказал я, проходя мимо.

Она подняла глаза.

— Про кого — нас?

— Про тех, кто стреляет по тому, что любит.

Она посмотрела на меня. Долго. Потом закрыла книгу.

— Вы читали Чехова?

— А ты думала, я только деньги считать умею?

— Я ничего не думала.

— Врёшь.

Она вскинула голову. Вспышка — быстрая, горячая. И сразу погасила. Взяла под контроль.

— С чего вы взяли?

— Ты смотришь на меня, как на врага народа. Я заметил.

— Просто я не привыкла к людям, которые проверяют подруг своих детей на прочность деньгами.

— Ты не ответила на вопрос про Чехова.

— Читала. Не понравилось.

— Почему?

— Потому что Треплев — слабак. Стрелять из-за того, что тебя не любят? Глупо.

— А что бы ты сделала?

Она задумалась. На секунду её лицо стало серьёзным, почти взрослым. Без защиты.

— Ушла бы. И стала бы лучше. Чтобы она пожалела.

Правильный ответ. Не жертва, не нытик. Тот, кто перерабатывает боль в действие. Такие выживают.

— Спокойной ночи, — сказал я и вышел.

Через два дня я застал её в библиотеке. Моей личной библиотеке. Куда я никому не разрешал заходить.

— Тебя не учили, что в чужие комнаты без спроса не входят?

Она вздрогнула. Стояла у стеллажа с моими старыми книгами — теми, что я привёз ещё из Грозного. Детство, юность,

всё, что осталось.

— Извините, — сказала она. — Дверь была открыта.

— Знала. Просто любопытство пересилило.

Она хотела возразить, но я перебил:

— Что читаешь?

Она показала. Лермонтов. «Герой нашего времени». Потрёпанный, с моими пометками на полях.

— Это моя, — сказал я.

— Я поняла. — Она открыла первую страницу. — Вы писали на полях. «Печорин — дурак. Надо было брать, пока дают».

Я усмехнулся. Давно написал. Двадцать лет назад.

— А ты что думаешь?

— Я думаю, что Печорин не дурак. Он просто не умел быть счастливым. Когда тебе дают — ты берёшь. Но потом всё равно теряешь. Не в этом ли смысл?

— Философствуешь.

— А вы нет?

Она смотрела на меня через очки, и я видел: она меня не боится. Не лебезит. Не пытается понравиться. Говорит то, что думает. Редкое качество. Опасное, но редкое.

— Иди отсюда, — сказал я. — И больше не заходи без спроса.

— Хорошо.

Она положила книгу на место. Проходя мимо, остановилась.

— Багдан Юсупович.

— Что?

— Вы всегда такой хам? Или только с теми, кто вам не нравится?

Не дожидаясь ответа, вышла.

В пятницу был приём. Катя уговорила Адель «привести себя в порядок». Я спустился в гостиную первым. Гости ещё не приехали. Ждал у камина.

Адель вышла через десять минут.

Без очков. Волосы распущены. Тёмное платье с открытыми плечами — не броское, но дорогое. Катина работа.

Я смотрел и анализировал. Не как мужчина. Как отец.

Она была красива. Это факт, не комплимент. Красивая девушка рядом с моей дочерью — это риск. Красивая и умная — двойной риск. Красивая, умная и стойкая — это уже угроза. Не для меня. Для Кати. Такие затмевают. Таких любят больше. Таких ревнуют.

Я должен был убедиться, что Адель не из тех, кто использует Катю как трамплин.

Она спустилась. Подошла.

— Катя сказала, что так надо.

— Катя права.

— Я похожа на дуру?

— Нет. Но ты похожа на ту, кто не привык к таким вещам. Не сутулься. Не прячься. Ты гостя в моём доме. Веди себя

соответственно.

Она посмотрела на меня. Взгляд острый, быстрый. Оценивает. Потом кивнула.

— Хорошо.

И ушла к окну. Встала прямо. Не пряталась. Не сутулилась. Слушалась.

Вечер тянулся долго. Я следил за ней — незаметно, между разговорами с гостями.

Она не флиртowała. Не пыталась понравиться. Отвечала вежливо, односложно, без улыбок. Не пила — только воду. Не ела почти ничего. Держалась у окна, не лезла в центр.

Правильно. Скромно. Безопасно.

К ней подходили мужчины. Она отвечала, но не задерживала никого. Не давала надежды. Не играла.

Это важно. Моя дочь часто приводила подруг, которые на моих приёмах начинали охоту. А эта — нет. Либо слишком умна, либо слишком честна.

Я подошёл к ней, когда гости отвлеклись.

— Скучно?

— Нормально.

— Врёшь.

Она повернулась ко мне. Без очков её глаза казались больше. В них — усталость.

— Багдан Юсупович, — сказала она тихо. — Зачем вы меня сюда притащили?

— Чтобы посмотреть.

— На что?

— Как ты себя ведёшь. С гостями. С мужчинами. С алкоголем.

Она замерла.

— Вы проверяете меня? Опять?

— Я проверяю всех, кто рядом с моей дочерью. Это не личное.

— Вы чудовище.

— Я отец. Иди к Кате. Она тебя потеряла.

Адель ушла. Не оглянулась.

Неделя пролетела быстро. Сборы, суета, Катина радость. Адель держалась ровно — вежливо, спокойно, без лишних эмоций. Она помогала Кате собираться, складывала свои скромные вещи в старый рюкзак, не просила ничего лишнего.

Я наблюдал. И делал выводы.

Она не охотится за деньгами. Не охотится за мужчинами. Не пьёт. Не лезет в центр внимания. Держится скромно, но с достоинством. Не боится мне дерзить, но знает границы. Умная. Стойкая. Публичная — умеет быть на людях, не теряя лица.

Для подруги моей дочери — идеальный вариант.

Ночь перед вылетом.

Дом затих. Катя спала. Адель — наверху, в своей комнате. Я сидел в кабинете один.

На столе — стакан виски. Лёд давно растаял. Рядом — пепельница, полная окурков. Я курил уже третий час, с тех пор как поднялся к себе. Глушил виски, затягивался, смотрел на телефон.

Он молчал.

Чёрный, холодный, бесполезный.

Я ждал. Она не звонила уже неделю. Неделя тишины. Неделю я проверял телефон каждые полчаса, как мальчишка, впервые влюбившийся. Бесился на себя. Не мог ничего с собой поделаться.

Я думал о ней. О той, которую не мог найти. О незнакомке с низким голосом, с хрипотцой, которая сводила меня с ума по ночам. Которая говорила слова, от которых кровь закипала. Которая исчезла, когда я почти нашёл её.

Я закрыл глаза. Представил её голос. Как она шепчет: «Джан...» Как дышит в трубку. Как смеётся — тихо, будто боится, что кто-то услышит.

Внутри — зверь. Голодный, злой, рвущийся с цепи. Я хотел её найти. Взять за горло. Спросить: где ты? Кто ты? Почему не звонишь?

Я открыл глаза. Посмотрел на телефон. Ничего.

Потянулся к стакану. Сделал глоток. Виски обжёг горло. Хорошо.

Я думал о Кате. О дочери, ради которой построил эту кре-

пость. О том, как она выросла — быстрее, чем я успел заметить. О том, что скоро ей не нужен будет отец. О том, что я должен успеть её защитить, пока она ещё позволяет.

Я думал об Адель. О подруге дочери. О странной девчонке в очках, которая не боялась мне дерзить. Которая читала Чехова в моей гостиной. Которая прятала красоту под дурацким свитером, будто стыдилась её. Которая смотрела на меня так, будто видела насквозь, и не отводила взгляд.

Она не звонила. Незнакомка. Та, которую я искал. Та, чей голос снился мне по ночам. Та, чьи размытые фото я рассматривал в телефоне по тысяче раз в день. Смотрел на них, будто не видел женщин. Будто не было у меня никого за эти годы. Только она. Голос в трубке. И эти картинки, которые я готов был рассматривать вечно.

Я потянулся за новой сигаретой. Закурил. Выдохнул дым в потолок.

Думал о поездке. Остров. Жара. Океан. Катя счастлива — это главное. Адель летит с нами. Я оставлю девочек на вилле — пусть отдыхают, загорают, не лезут не в своё дело.

А сам...

Мои люди искали её. Искали не покладая рук. Сегодня утром пришла зацепка — координаты, которые могли быть её.

Если мои люди найдут её там, я уеду. Оставлю девочек — с ними будут охрана, прислуга, всё, что нужно. А сам найду её. Увижу в первый раз. Услышу её голос не в телефонной

трубке, а вживую.

И тогда посмотрим, кто она. И чего хочет.

Я затушил сигарету. Сделал последний глоток виски. Посмотрел на телефон.

Ничего.

— Скоро, — сказал я себе в темноту. — Скоро я тебя найду.

Я поднялся. Подошёл к окну. Смотрел на ночной сад, на редкие звёзды, на свою крепость, которую построил для дочери.

Завтра вылет. Девочки готовятся. Адель поедет с нами. Катя счастлива. Всё идёт по плану.

А внутри — зверь. Который ждёт. Который хочет. Который не успокоится, пока не найдёт.

Я усмехнулся.

— Играем дальше.

Глава 4

Самолёт шёл на посадку. Я сидел в первом классе, Катя с Адель — впереди. Я слышал их голоса — дочь щебетала без остановки, Адель отвечала односложно, тихо. Она смотрела в окно. Впервые видела океан, наверное.

Когда мы вышли из самолёта, жара ударила в лицо — влажная, тяжёлая, чужая. Катя сразу побежала к машине, крича, что чувствует запах соли. Адель вышла следом, замерла на трапе, глядя на горизонт.

Солнце светило ей в лицо. Очки сползли на нос. Ветер выбил несколько прядей из узла на затылке. Она стояла так с минуту, и я смотрел на неё, сам того не замечая.

Без очков, с живыми волосами, освещённая южным солнцем, она была... другой. Я вдруг увидел, что под мешковатым свитером скрывается тонкая, гибкая фигура. Что у неё длинная шея и острые ключицы. Что глаза у неё — серые, почти прозрачные, и в них — глубина, которой не должно быть у девятнадцатилетней девчонки.

Она повернулась, поймала мой взгляд. На секунду я почувствовал, что она видит меня насквозь. Потом она надела очки, поправила волосы, стала прежней — незаметной, серой, правильной.

— Идёмте, Багдан Юсупович, — сказала она и пошла к машине, не дожидаясь ответа.

Я усмехнулся про себя. Интересная девчонка.

Дом на острове был хорош. Я снял его специально для Кати — чтобы дочь отдохнула, чтобы у неё было всё, что она захочет. Три спальни, гостиная с панорамными окнами, терраса на скале, бассейн, сходящийся с горизонтом.

Катя выбрала комнату с видом на сад. Адель досталась та, что выходила на океан. Я заметил, как она замерла на пороге, глядя на волны. Как провела пальцами по белоснежному белью. Как коснулась мраморной столешницы в ванной, будто не веря, что это настоящее.

Она не привыкла к такому. И это было видно во всём — в том, как она осторожно ставила чашку на стеклянный стол, как присаживалась на край дорогого дивана, как извинялась перед горничной, когда та поправляла её вещи.

Я наблюдал за ней. Не должен был, но наблюдал. Она была загадкой, которую хотелось разгадать. Девчонка, которая прошла мой тест. Которая дерзила мне в лицо. Которая прятала свою красоту, будто стыдилась её.

Первый ужин на острове.

Я спустился в гостиную, когда солнце уже садилось. Катя возилась в своей комнате, собиралась, как всегда, полчаса. Адель была на террасе одна.

Она стояла у перил, смотрела на океан. Закат окрасил её в золото. Волосы она распустила — видимо, после душа, они

ещё были влажными, падали на плечи светлыми прядями. Очки она сняла. Свитер сменила на простое белое платье — недорогое, но оно сидело на ней так, как дорогие вещи сидят на тех, кто умеет носить.

Я остановился в дверях. Не хотел, чтобы она знала, что я смотрю. Но она, будто почувствовала, обернулась.

— Добрый вечер, Багдан, — сказала она. Не Багдан Юсупович. Просто Багдан. Как я разрешил в прошлый раз.

— Добрый вечер, Адель.

Я подошёл к столу, сел. Она осталась у перил, не спешила. Смотрела на закат.

— Красиво здесь, — сказала она. — Я никогда не видела океана.

— Нравится?

— Очень.

— Будешь смотреть каждое утро. У нас две недели.

Она повернулась, посмотрела на меня. В глазах — что-то, что я не мог прочесть. Благодарность? Или что-то другое?

— Спасибо, что пригласили, — сказала она. — Вы не обязаны были.

— Я делаю для Кати. Она хотела, чтобы ты была здесь.

— Я знаю. Но всё равно спасибо.

Она подошла к столу, села напротив. Я налил ей воды. Пальцы у неё были тонкие, запястья — хрупкие. Я заметил, что она всё ещё немного нервничает, хотя скрывает это. Косится на дверь, ждёт Катю.

— Не бойся, — сказал я. — Я не кусаюсь.

Она усмехнулась. Первый раз за вечер — не вежливо, не наигранно, а по-настоящему. Усмешка вышла дерзкой, живой.

— Я уже поняла, что вы только проверяете. Деньгами пугаете.

— И как, помогает?

— Пока да, — она подняла на меня глаза. Без очков они казались больше, светлее. — Но я бы на вашем месте не расслаблялась.

— Это угроза?

— Это обещание, — она улыбнулась, и в улыбке её было что-то, от чего я забыл, что она — подруга моей дочери.

Я отвёл взгляд. Взял бокал. Сделал глоток.

— Ты всегда такая дерзкая?

— Когда надо.

— А сейчас надо?

— Сейчас я просто ужинаю с отцом подруги, — она спокойно развернула салфетку. — Ничего дерзкого.

Я посмотрел на неё. Она выдержала взгляд. Не отвела глаза. В ней была сила, которой я не ожидал от девятнадцатилетней девчонки. Сила, которая не кричит о себе. Которая сидит тихо, в белом платье, с влажными волосами, и смотрит на тебя так, будто она — не гостья, а хозяйка положения.

Мне это нравилось. Больше, чем должно было.

— Папа! Адель! — Катя выпорхнула на террасу. — Вы

уже начали без меня?

— Ждали, — я поднял бокал. — Садись.

Катя плюхнулась на стул рядом с Адель, чмокнула меня в щёку, начала щебетать о том, какой красивый закат, какой вкусный ужин, какие они с Адель завтра пойдут на пляж. Я слушал вполуха. Смотрел на Адель.

Она улыбалась Кате, кивала, что-то отвечала. Но я видел: она чувствует мой взгляд. Напряжение в её плечах. То, как она чуть медленнее подносит бокал к губам. Как не смотрит в мою сторону, хотя знает, что я смотрю.

Я заставил себя отвернуться.

Ужин затянулся. Катя устала, начала зевать, ушла спать. Адель осталась на террасе. Я тоже.

— Посиди ещё, — сказал я. — Выпей чаю.

Она кивнула. Официант принёс чай. Мы сидели в темноте, слушали океан. Звёзды высыпали на небе — огромные, яркие, таких в Москве не бывает.

— Не хочешь спать? — спросил я.

— Не могу уснуть, — ответила она. — Слишком красиво. Боюсь, что проснусь, а этого не было.

— Это есть. Ты здесь.

— Знаю, — она посмотрела на звёзды. — Но всё равно не верится.

Я хотел спросить что-то ещё. О её жизни, о матери, о том, почему она такая напряжённая, даже когда отдыхает. Но не

спросил. Не имел права.

— Иди спать, — сказал я. — Завтра длинный день.

— Спокойной ночи, Багдан, — она поднялась.

— Спокойной ночи, Адель.

Она ушла в дом. Я остался на террасе. Смотрел на океан, но видел её. Белое платье, влажные волосы, серые глаза без очков. Улыбку, от которой в груди становилось тесно.

Я выругался про себя. Она — подруга моей дочери. Ей девятнадцать. Я — взрослый мужчина, отец, криминальный авторитет. У меня нет права смотреть на неё так. Нет права думать о ней. Нет права хотеть.

Но я хотел.

И это было опасно. Для нас обоих.

Глава 5

Ночь. Комната Багдана.

Я захожу в свою комнату. Усталость тяжелая, костяная. Ужин, разговоры, взгляды, которые я не должен был бросать. Я расстегиваю рубашку, сбрасываю её на спинку стула. Остаюсь в лёгких брюках, босиком. Иду к окну, распаиваю — океан шумит внизу, солёный ветер задувает в комнату.

Телефон на тумбочке.

Я смотрю на него. Жду.

Тишина.

Я сажусь на край кровати, смотрю на экран. Ничего. Ни одного уведомления. Она не звонила уже неделю. Неделя живу, как на игле — каждую ночь жду, каждую ночь надеюсь. Я подключил всех, кого мог. Пробивал номера, карты, адреса. Ничего. Как сквозь землю провалилась.

Я усмехаюсь. Сам над собой. Надо мной.

Сорок три года. Бандит. Авторитет. Люди передо мной трясутся, когда я молчу. А я сижу здесь, в темноте, и жду звонка от девчонки, которая, возможно, просто прикалывалась. Шлюха, которой было скучно в один из вечеров. Позвонила наугад, набрала номер, сказала пару ласковых слов — и вот я, как мальчишка, трясусь над телефоном.

— Идиот, — говорю я сам себе. — Сорокатрёхлетний идиот.

Телефон вибрирует.

Я хватаю его раньше, чем успеваю подумать. Незнакомый номер. Я знаю, что это она. Я знаю этот номер наизусть, хотя он меняется каждый раз.

— Алло.

— Джан, — её голос. Низкий, с хрипотцой. Тот самый.

Я закрываю глаза. Откидываюсь на кровать.

— Ты, — говорю. — Целая неделя.

— Соскучился? — в её голосе улыбка. Я слышу её.

— Ты даже не представляешь, на сколько. Где ты?

— Не скажу. У нас пари.

— Я помню.

— У тебя ещё неделя.

— Я не забыл.

— Ищешь?

— Ищу.

— Найдёшь?

— Найду, — говорю, и сам не знаю, правда ли это. Я искал везде. Всё, что у меня есть — голос. И он сводит меня с ума.

— Ты злишься? — спрашивает она.

— Нет.

— Врёшь.

— Вру, — признаюсь. — Злюсь. На себя. Что не могу найти. Что жду. Что думаю о тебе каждую ночь.

Она молчит. Я слышу её дыхание.

— Джан, — говорит она. — Хочешь услугу?

— Хочу.

— Тогда закрой глаза. Я расскажу тебе, что мы делаем сегодня.

— Рассказывай.

— Ты лежишь на кровати. Я рядом. Моя голова у тебя на плече, мои пальцы — на твоей груди. Я чувствую, как бьётся твоё сердце. Слишком быстро. Ты волнуешься.

— Волнуюсь.

— Не надо. Я здесь. Я никуда не уйду.

— Ты уйдёшь. Как только закончится время.

— Сейчас не закончится. Сейчас я с тобой. Надолго.

Я закрываю глаза. Она говорит. Медленно, тягуче, страстно. Её голос ведёт меня по знакомому лабиринту — сначала шея, потом грудь, потом ниже. Я чувствую её руки, которых нет. Её губы, которых я никогда не касался. Её дыхание, которое я слышу только через динамик.

И я забываю. Забываю, что я бандит. Что у меня есть дела, люди, обязательства. Что я должен быть сильным, жёстким, недосягаемым. Забываю, где я. Кто я. Забываю, что она — девчонка, которая продаёт голос. Что она, может быть, делает это с десятком других каждую ночь.

Я слышу только её. И этого достаточно.

— Джан, — шепчет она. — Ты почти спишь.

— Не сплю.

— Спи. Я с тобой.

— Не вешай трубку.

— Не повешу.

Я держу телефон у уха. Слушаю её дыхание. Ровное, спокойное. Она не спит. Она просто молчит. И в этом молчании — больше близости, чем в любом разговоре.

Я засыпаю под шум океана и её тихое дыхание.

Утро. Кухня.

Я просыпаюсь от солнца. Оно бьёт в незашторенное окно, золотит стены, пол, кровать. Телефон валяется рядом — разряженный. Я не помню, когда отключился.

Встаю. Голова тяжёлая, но внутри — странная пустота. Та, что бывает после хорошего разговора. Или после плохого сна.

Я в одних брюках, босиком. Рубашка осталась на стуле, но мне лень её надевать. Я иду на кухню — кофе, чёрный, крепкий, без сахара. Прислуга ещё спит, в доме тихо. Только океан за окном шумит, и где-то щебечут птицы.

Вхожу в кухню — и замираю.

Она стоит у плиты.

Адель. В майке. Короткой, тонкой, которая не скрывает ничего — худые руки, острые ключицы, длинную шею. В коротких шортах, открывающих ноги — длинные, бледные, непривычно длинные для такой маленькой девчонки. Босиком. Волосы завязаны высокий хвост. С очками. В одной руке — кружка, в другой — турка.

Она не слышит, как я вхожу. Смотрит на кофе, ждёт, когда

закипит. Солнце падает на неё сбоку, подсвечивает её профиль, тонкие черты, пухлые губы.

Я смотрю. Не могу оторваться. Вчера за ужином, в белом платье, с причёсанными волосами, она была другой. Правильной. Собранной. А сейчас — сейчас она просто девчонка. Худая, незаметная, уязвимая. И почему-то сейчас она кажется мне более настоящей, чем вчера.

Я делаю шаг. Пол скрипит. Она оборачивается.

— Доброе утро, — говорит она.

Голос утренний, чуть хриплый.

— Доброе, — отвечаю я. Голос сел. Я прочищаю горло.

Она смотрит на меня. И быстро отводит взгляд. Глаза бегают — по столу, по окну, по турке, только не на меня. Она не смотрит на меня.

— Кофе вам сделать? — спрашивает она. Голос ровный, вежливый. Но я вижу — она нервничает. Плечи напряжены, пальцы сжимают кружку.

— Да. Сделай, если не сложно.

— Хорошо.

Она поворачивается к плите. Я смотрю на её спину. Тонкая майка, сквозь неё проступают лопатки. Небрежно завязанные волосы, чуть влажные — видимо, только встала. Она ждёт, когда закипит кофе. Не оборачивается. Делает вид, что меня нет.

Я понимаю, что стоят тут в одних брюках, без футболки, и смотрю на девятнадцатилетнюю девчонку так, как не должен

смотреть. Не на ту. Не на подругу дочери. Не сейчас.

Я разворачиваюсь, выхожу из кухни. Иду в комнату. Натягиваю футболку — чёрную, чистую. Привожу себя в порядок. Делаю глубокий вдох.

Спокойно. Она — гостья. Подруга Кати. Девчонка. Ничего больше.

Возвращаюсь на кухню.

Её нет.

На столе — чашка. Чёрный кофе, крепкий, без сахара. Так, как я люблю. Она запомнила? Или угадала?

Я смотрю на чашку. На пустой стул напротив. На дверь, ведущую вверх.

Она ушла. Сбежала, пока меня не было.

Я беру чашку. Делаю глоток. Кофе хороший. Чуть горчит. Я смотрю на лестницу, где только что мелькнули её босые ноги, и думаю:

Что она делает со мной?

Я ставлю чашку на стол. Иду в гостиную. Сажусь в кресло. Смотрю на океан.

Телефон заряжается на тумбочке. Я не беру его. Жду вечера.

У меня ещё неделя, чтобы найти её.

Я делаю глоток. Смотрю на океан. Жду вечера.

Она позвонит. Она всегда звонит.

Глава 6

Утро. Терраса.

Я сижу в кресле на террасе, смотрю на океан. Кофе остыл, но я не делаю новый. Мысли путаются. Её утренний образ стоит перед глазами — тонкая майка, короткие шорты, босые ноги. Как она смотрела куда угодно, только не на меня. Как сбежала, пока меня не было.

Я усмехаюсь. Сорок три года. Бандит. Авторитет. А веду себя как подросток, который впервые увидел девчонку.

Сверху слышны голоса. Катя смеётся, что-то кричит. Второй голос — тише, спокойнее. Адель.

Я не оборачиваюсь. Смотрю на океан, делаю вид, что погружён в свои мысли.

— Папа! — Катя выбегает на террасу. — Ты чего такой хмурый? Смотри, какое утро! Вода — как зеркало!

Я поворачиваюсь. И замираю.

Катя в ярком бикини, вся такая солнечная, счастливая. Но я смотрю не на неё.

Адель стоит позади. В купальнике. Чёрном. Скрамном, закрытом, но... Господи.

Тонкая ткань облегает её тело, которое она так тщательно прятала под свитерами, очками, небрежными узлами волос. Худые плечи, длинная шея, ключицы, которые хочется проследить взглядом. Талия — тонкая, хрупкая, пальцами об-

хватить. Бёдра — узкие, но с правильным изгибом. Ноги — длинные, бледные, такие длинные, что не верится, что они помещаются в её маленькое тело.

Волосы она собрала в небрежный пучок, открыв шею. Без очков. Без защиты. Просто она. Та, кого она прячет от всех.

Я чувствую жар. Ниже пояса. Мгновенно, как удар.

— Пап, ты чего молчишь? — Катя смеётся. — Пошли с нами купаться! Вода — как парное молоко, я уже заходила!

Адель смотрит в сторону. На океан. На небо. На что угодно, только не на меня. Она знает. Чувствует. Я вижу, как напряжены её плечи. Как она стоит, чуть отступив назад, будто готова убежать в любой момент.

— Я пас, — говорю я. Голос звучит ровно, спокойно. Я контролирую его. — Дела.

— Какие дела? Мы на острове! — Катя подходит, тянет меня за руку. — Пап, ну пожалуйста! Мы так редко отдыхаем вместе!

Я не могу встать. Не сейчас. Не с этим жаром в паху, который разливается по телу, заставляя дышать глубже. Если я встану — они увидят. Всё будет на виду. Эти лёгкие брюки не скроют ничего.

Я перекидываю ногу на ногу. Делаю вид, что устраиваюсь удобнее. Медленно. Контролируя каждое движение.

— В другой раз, — говорю я. — Идите без меня. Я кофе допью.

— Ну папа! — Катя надувает губы.

— Кать, — подаёт голос Адель. Тихий, спокойный. — Может, правда, в другой раз. Багдан Юсупович, наверное, устал с дороги.

Она смотрит на меня. Быстро. Впервые за утро. В её глазах — что-то. Понимание? Испуг? Она видит, что со мной что-то не так?

Я отвожу взгляд. Смотрю на океан.

— Идите, — повторяю я. — Я догоню позже.

Катя вздыхает, но сдаётся. Хватает Адель за руку, тащит к лестнице, ведущей на пляж.

— Ладно, но ты обещал! Позже!

Я киваю, не оборачиваясь.

Слышу их шаги. Шелест песка. Смех Кати. И — её молчание.

Только когда они спускаются к воде, я позволяю себе выдохнуть.

Вечер. Дом.

Я провёл весь день в кабинете, но не работал. Смотрел на океан, перебирал бумаги, пил виски. Думал о ней. О том, как она стояла на пляже, как волны набегали на её босые ноги. О том, как она подняла подол купальника, и я увидел её колени. Острые. И от этого ещё более желанные.

К вечеру я принял решение. Руслан нашёл женщину в городе. Профессиональную. Дорогую. Ту, которая решит проблему. которая заставит меня забыть о девчонке, которая не

даёт мне спать.

Я поднялся в свою комнату. Стянул футболку. Нужно принять душ, переодеться, уехать.

Я зашёл в ванную.

И замер.

Она выходила из душа. В одном полотенце. Волосы мокрыми прядями падали на плечи, капли стекали по шее, по ключицам, впитывались в белую ткань, которая обернута вокруг её тела. Она не ожидала меня увидеть. Глаза расширились от испуга. Она сделала шаг назад, нога скользнула по мокрому кафелю.

— Адель! — крикнул я.

Она поскользнулась. Руки взметнулись вверх, пытаюсь удержать равновесие. Полотенце, которое она держала одной рукой, соскользнуло. Упало на пол.

Я рванул к ней. Инстинктивно. Не думая. Схватил её за талию, прижал к себе, чтобы она не упала. Моя спина ударилась о стену сначало, но я удержал её, потом она отшатнулась к стене, я удержал снова придавив своим телом. Она оказалась зажатой между мной и стеной. Голая. Мокрая. Моя рука на её талии, другая — на спине, пальцы чувствуют каждый позвонок, каждое ребро.

Она смотрела на меня. В её глазах — испуг, растерянность, и что-то ещё. Что-то, что заставило моё сердце пропустить удар. Её губы приоткрыты, дыхание частое, прерывистое. Мои руки держат её голую, мокрую, дрожащую.

Я не дышал. Боялся, что если вдохну — сорвусь. Что сделаю то, что хочу сделать с первой минуты, как увидел её в этом доме. Она смотрела на мои губы. Я видел это. Видел, как её взгляд опустился, как задержался на моём рте.

— Багдан Юсупович, — прошептала она. Голос сорванный, чужой. — Вы не могли бы меня поцеловать?

Я глотнул. Тяжело, как перед прыжком в пропасть. Внутри всё кричало: сделай это. Возьми её. Она хочет. Ты хочешь. Сорвись.

Но я понимал: если сейчас сорвусь — не остановлюсь. Никогда.

Я медленно наклонился. Захватил её губы своими. Осторожно. Мягко. Не так, как хотел. Не так, как требовало тело. А так, как должен мужчина, который целует девушку впервые. Её губы были тёплыми, влажными, они раскрылись под моими, и я почувствовал её язык, её дыхание, её вкус.

Она ответила. Сначала робко, неуверенно. Потом — смелее. Её пальцы вцепились в мои плечи, ногти впились в кожу. Я подхватил её под ягодицы, приподнял, прижал к стене. Она обвила ногами мою талию, и я почувствовал, как её тело прижимается ко мне, сквозь тонкую ткань брюк, сквозь всё, что между нами.

Я целовал её. Жадно, глубоко, теряя контроль. Она отвечала. Стон вырвался из её горла, и это было выше моих сил. И вдруг она оттолкнула меня. Резко, сильно.

— Нет, — выдохнула она. — Нет, не надо. Пустите.

Я замер. Отпустил. Она соскользнула вниз, подхватила полотенце с пола, прижала к груди. Смотрела на меня. В глазах — страх, стыд, слёзы.

— Извините, — прошептала она. — Простите.

И выбежала.

Я остался стоять у стены. Уперся лбом в прохладный кафель. Дышал тяжело, как после боя. Сердце колотилось где-то в горле. В паху — пульсирующая боль, которая требовала выхода.

— Что я творю? — сказал я в пустоту. — Мать твою... что это было? Идиот. Старый идиот.

Я стоял так минуту, две, пять. Пока дыхание не выровнялось. Пока контроль не вернулся.

Я знал: если сейчас не уеду — я вломлюсь в её комнату. И тогда не остановлюсь.

Я вышел из ванной. Натянул чистую рубашку, джинсы. Схватил ключи. Вышел из дома. Руслан уже ждал в машине.

— В город, — сказал я. — К той женщине.

— Слушаюсь, Багдан Юсупович.

Я сел на заднее сиденье. Смотрел в окно на тёмный океан. Вспоминал её губы. Её руки на моих плечах. Её тело, прижатое к моему. И то, как она сказала «извините».

Я закрыл глаза. Сжал кулаки.

— Только бы успеть, — сказал я себе. — Только бы не вернуться.

Женщина в городе была хороша. Опытная. Умелая. Она делала всё, что я просил, и даже больше. Я закрывал глаза и пытался забытья. Но её голос — которым она сказала «Багдан Юсупович, вы не могли бы меня поцеловать», — звучал в моей голове снова и снова.

Я вернулся в дом под утро. Катя спала. Адель, наверное, тоже.

Я прошёл в свою комнату. Включил телефон. Ждал. Незнаю чего. Но ждал.

Она не позвонила.

Я усмехнулся. Лёг на кровать. Смотрел в потолок.

— Что вы со мной делаете? — сказал я в пустоту. — Что одна, что вторая?

Ответа не было.

Но я знал, что первая позвонит. Она всегда звонит. А с второй надо поговорить.

Я заснул под утро, держа телефон в руке. И во сне я снова держал Адель — мокрую, голую, дрожащую, прижатую к стене. И не отпускал.

Глава 7

Утро

Утро началось с того, что к дому подъехала машина. Я пил кофе на террасе, когда Руслан доложил:

— Багдан Юсупович, там... госпожа Лидия приехала.

Я поставил чашку. Не ожидал. Не сейчас.

Лидия. Бывшая жена. Мать Кати. Мы не виделись больше года, и каждый раз, когда она появлялась, это означало проблемы. Она хотела видеть дочь. Конечно, хотела. Но я не собирался пускать её в этот дом. В мой дом. На мой остров.

— Выйди к ней, — сказал я. — Скажи, что я жду на террасе.

Она вошла через десять минут. Высокая, холёная, с идеальной укладкой и дорогой сумкой. Всё та же. Ничего не изменилось.

— Багдан, — она улыбнулась той улыбкой, которую я знал слишком хорошо. — Не ждал?

— Чего ты хочешь, Лида?

— Увидеть дочь. Я имею право.

— Имеешь. Но не в моём доме. Сними номер в отеле, я привезу Катю.

— Ты не изменился, — она скрестила руки.

— Я тоже это ценю.

Мы говорили недолго. Она пыталась спорить, настаивать,

давить. Я стоял на своём. В итоге она сдалась — всегда сдавалась, когда понимала, что я не отступлю. Сняла номер в отеле в получасе езды. Катя, узнав, что мать приехала, обрадовалась, собралась быстро, поцеловала меня на прощание.

— Пап, я переночую у мамы, ладно? Мы так давно не виделись.

— Хорошо, — я кивнул. — Завтра вернёшься.

— Адель останется одна, — спохватилась Катя. — Ты присмотришь за ней?

— Присмотрю, — сказал я ровно.

Она уехала, чмокнула меня в щеку, крикнула Адель, что вернется через пару дней, и скрылась за воротами в облаке пыли.

Я остался на террасе с остывшим кофе. Дом сразу стал другим — тихим, слишком просторным. И в этой тишине слишком отчетливо чувствовалось присутствие кого-то, кто прячется от меня.

Она не выходила.

Я видел ее только раз — через окно. Она сидела на песке под пальмой, в платье, поджав босые ноги. Бледная. Руки обхватили колени, взгляд застыл на океане, но она не смотрела на воду. Она смотрела внутрь себя. В лице — ни кровинки, губы сжаты. Я наблюдал за ней, сам того не желая, и чувствовал, как внутри поднимается что-то тяжелое. Не только желание. Что-то еще. Беспокойство.

К обеду она не спустилась. Прислуга сказала, что Адель

не берет еду, попросила только чай.

— Она здорова? — спросил я.

— Говорит, что просто не голодна, Багдан Юсупович.

Я кивнул. Не стал ничего говорить. Но к вечеру, когда ее тарелка снова ушла нетронутой, я понял: так больше нельзя.

Остров. Вечер.

Я постучал в ее дверь в восьмом часу. Тишина за ней длилась слишком долго, и я уже подумал, что она не откроет. Но дверь приоткрылась.

Она стояла на пороге. В той же майке, что и утром. Волосы распущены, влажные — видно, недавно мыла голову. Без очков. Лицо все еще бледное, под глазами тени. Она не смотрела на меня. Взгляд уходил куда-то в сторону — на стену, на пол, куда угодно, только не на мое лицо.

— Багдан Юсупович, — сказала тихо. — Что-то случилось?

— Мне нужно поговорить с тобой.

Она вздрогнула. Пальцы, сжимавшие край двери, побелели.

— Я... сейчас не очень хорошо себя чувствую. Может, завтра?

— Адель. — Мой голос прозвучал тверже, чем я хотел. — Не завтра. Сейчас.

Она помедлила, потом отступила в сторону, пропуская меня. Я вошел. Комната была полутемной, шторы задерну-

ты. На столике — нетронутый ужин. Она села на край кровати, сложила руки на коленях. Смотрела в пол.

Я сел в кресло напротив. Не близко. Чтобы не давить.

— Ты не ешь, — сказал я. — Не выходишь. Сидишь одна.

— Я просто...

— Посмотри на меня.

Она подняла глаза. Быстро. И сразу отвела. В них было что-то, от чего у меня сжалось в груди. Испуг. Стыд. И еще — растерянность, как у зверька, который попал в капкан и не понимает, как из него выбраться.

— Что это было? — спросил я. — В ванной.

Она замерла. Плечи напряглись, она будто стала меньше, сжалась в комок. Молчала так долго, что я уже хотел повторить вопрос.

— Я... — начала она и запнулась. Сглотнула. — Багдан Юсупович, я... я не знаю.

— Не знаешь?

— Я не знаю, что на меня нашло. — Голос у нее дрожал, она говорила быстро, будто боялась, что не успеет выговорить все до конца. — Я... я не должна была. Это было неправильно. Я просто... увидела вас, и... — Она замолчала, сжала пальцы так сильно, что костяшки побелели. — Простите меня. Пожалуйста, простите. Мне так стыдно. Я не знаю, что это было. Я... я сама не понимаю, что произошло.

Она сидела, не поднимая глаз, вся — воплощение стыда и унижения. И глядя на нее, я вдруг понял: она действительно

не знает. Не играет. Не манипулирует. Просто — сломалась на секунду, позволила себе то, о чем, может быть, думала, но не смела. А теперь ненавидит себя за это.

Я молчал. Смотрел на ее склоненную голову, на дрожащие ресницы, на руки, которые она сжимала так, будто хотела причинить себе боль.

— Я все понял, — сказал я наконец.

Она подняла голову. В глазах — слезы, которые она сдерживала из последних сил.

— Вы... вы злитесь?

Я встал. Она вздрогнула, отшатнулась, но я не сделал ни шага в ее сторону.

— Не злюсь, — сказал я. — Но запомни, Адель. Если ты не понимаешь, чего хочешь — лучше держаться от меня подальше. Я не тот человек, с которым можно играть.

— Я не играю, — прошептала она.

— Вот и хорошо.

Я повернулся и вышел из комнаты. Не оглядываясь. Не сказав больше ни слова.

Ночь. Кабинет.

Я сидел в своем кабинете, пил виски, смотрел на океан. За окном было темно, только луна дробилась на воде серебряными осколками.

Телефон завибрировал.

Я взял его. Незнакомый номер. Но я знал, кто это.

— Алло.

— Джан, — ее голос. Низкий. Тот самый.

— Слушаю.

— Ты один?

— Один.

Она помолчала. Я слышал ее дыхание. Ровное, спокойное. Профессиональное.

— Скучаешь? — спросила она.

— Покажи мне что-нибудь, — ответил я вместо ответа.

— Фото.

Пауза.

— Опять?

— Опять. Хочу видеть тебя.

— Я не хочу сегодня фотографироваться, — голос чуть изменился, появились нотки капризности. — У меня нет настроения.

— Тогда просто что-нибудь. Что угодно.

Она молчала несколько секунд.

— Хорошо, — сказала наконец. — Подожди.

Я ждал. Смотрел в потолок. Допивал виски.

Телефон дёрнулся. Сообщение.

Я открыл.

Фото луны. Снято из окна — крупно, нерезко, с бликами. Но не это привлекло мое внимание.

Я смотрел на край кадра. Угол подоконника. Шторы. Светлые, легкие, с мелким рисунком. И часть стены — зна-

комый оттенок бежевого, тот самый, который во всех комнатах этого дома.

Я замер.

— Получил? — спросила она в трубке.

— Получил, — голос ровный, хотя внутри все оборвалось.

— Нравится?

— Еще. Пришли еще что-нибудь.

— Джан, я же сказала...

— Еще, — повторил я. — Не себя. Просто что-то.

Она вздохнула. Что-то прошептала — не разобрал. Через минуту пришло второе фото.

Угол кровати. Плед, скомканный. Книга на тумбочке — корешок, не разобрать название. И край подушки. Та же бежевая стена. Та же штора. Очки и светильник.

Моя рука сжала телефон.

— Джан? — голос в трубке. — Ты здесь?

— Здесь, — сказал я. — Сейчас. Одно движение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.